

— Я хочу напиться сегодня вечеромъ; я хочу попить. Форестъ какъ будто не слышалъ и спросилъ:

— Вамъ все равно, если я закрою окно; у меня въ послѣдніе дни опять грудь заложило.

— Да, да, пожалуйста.

Онъ закрылъ окно вплотную и вернулся на свое мѣсто съ успокоеннымъ, просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

Жена его ничего не говорила и казалась разсѣянной; устремивъ глаза въ столъ, она улыбалась рюмкамъ и стаканамъ той неопредѣленной улыбкой, которая какъ будто обѣщала много, но лишь съ тѣмъ, чтобы ничего не сдержать.

Принесли остендскія устрицы, маленькія и жирныя, походившія на какіе-то ушки въ раковинахъ и таявшія во рту, точно соленые конфеты.

Послѣ супа подали форель, нѣжную и розовую, какъ дѣвичье личико, и обѣдающіе принялись болтать.

Сначала разговаривали объ одной сплетнѣ, ходившей по городу: о томъ, какъ одну свѣтскую женщину пріятель ея мужа накрылъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана, обѣдающей съ однимъ иностраннымъ принцемъ.

Форестъ очень смѣялся надъ этой исторіей, но обѣ женщины называли подлецомъ и негодяемъ нескромнаго болтуна. Дюруа поддержалъ ихъ и громко провозгласилъ, что порядочный человѣкъ, будетъ ли онъ дѣйствующимъ лицомъ, повѣреннымъ или простымъ свидѣтелемъ въ такого рода дѣлахъ, обязанъ быть нѣмъ, какъ могила!

Онъ прибавилъ:

— Какъ жизнь была бы полна пріятныхъ вещей, еслибы мы могли рассчитывать на безусловную скромность другъ друга. Что останавливаетъ часто, очень часто, почти всегда женщинъ, это страхъ, что ихъ тайна разоблачится.

Потомъ прибавилъ, улыбаясь:

— Послушайте, развѣ это неправда? Сколько женщинъ поддалось бы внезапному желанію, неожиданной прихоти, мимолетной любовной фантазіи, если бы онѣ не боялись поплатиться непоправимымъ скандаломъ и горькими слезами за кратковременное счастье.

Онъ говорилъ съ заразительной убѣдительностью, точно защищалъ чье-то дѣло, свое личное дѣло, точно хотѣлъ сказать:— Вотъ ужъ со мной нельзя бояться ничего подобнаго, попробуйте только.

Онѣ обѣ глядѣли на него, ободряли взглядомъ, находили, что